Москва
МХАТ им. Чехова

1998

Надо все понять и решить, как жить дальше

22 сентября спектаклем "Три сестры" МХАТ имени Чехова начал новый сезон. Не хочется говорить "юбилейный", потому что Олег Ефремов, художественный руководитель этого коллектива, по-прежнему убежден: юбилейная дата имеет отношение к прежнему, легендарному Московскому Художественному театру, открывшемуся в октябре 1898 года. Вопрос о том, чем же отметит стремительно приближающееся 100-летие МХТ ныне существующий театр, все так же остается открытым. По крайней мере, об этом Ефремов говорит с явной неохотой, игнорируя подчеркнутый интерес прессы и не желая позвящать ее во внутреннюю ситуацию руководимого им театра. И справедливо. В общем-то, полагаю, что вместо пустых разговоров следует заняться делом. Другой вопрос, что в минувшем сезоне это самое "дело" имело подчеркнутый исторически-юбилейный аспект, безусловно, уместный в юбилейной перспективе. В области же дел текущих театр совсем по-старомхатовски "держал паузу", которая несколько затянулась. А тут еще разразился кризис. Когда состоялся этот разговор, Камергерский переулок был разрыт вдоль и поперек, внутри театра тоже полным ходом шел ремонт, а в своем кабинете Олег Ефремов с интересом смотрел по телевизору очередной информационный выпуск о дуэльных страстях. Сразу же переключаться на МХАТ было и сложно, и неуместно, к тому же на предложение прокомментировать ситуацию в стране Олег Николаевич отреагировал с куда большим энтузиазмом.

– Мне всегда не нравилась наша Дума, потому что она все время так уверенно мешает реформам. И дело тут вовсе не в дискуссии о социализме и капитализме. Дело в умении жить при свободной экономике, рынке. Есть мне представляется, возможность внедрения рынка для нас без была самой трудной проблемой, с чем мы не справились в полной мере. И едва лишь возникали более или менее радикальные подвижки в этом направлении, как тут же против этого, по-той социальной неприемлемости, выступали наши прелестные депутаты. И главный тормоз, с моей точки зрения, был в непонимании очень важной вещи: рыночная экономика, как и всякая по настоящему полнокровная деятельность, обязательно должна быть связана с интеллектом, и с тем, что мы называем вдохновением, интуицией. То есть с теми категориями, которые, казалось бы, более приемлемы в искусству. А у нас был достаточно железобетонный директорский корпус, который привык гнать план. Из-за этого мы, в общем-то, все могли пострадали.

Надо было, по-моему, сразу снять эти иногда глупые дискуссии: социализм или капитализм? Ведь существование государств, как Советский Союз, начинало сказываться колоссальным или иным вообще на весь мир. Именно социальными реформами, которые были проведены потом во всех странах. И уже я каюсь-то годы, ей-Богу, социализм как таковой в этих странах было больше, чем у нас. Ведь сейчас мы не понимаем многие вещи. Ну смотрите: недовольство, порождение, выражение демонстрации. Но никто не объяснит нашему народу не по телевидению, не в печати, что Верхний СССР просуществовал на 80 процентов был ориентирован именно на нас. Потому что мы были монтированы розовыми государствами, пупырем для них вещи, которые не обеспечили это защитой заявлений. И потому так много людей неизбежность тогда в более принципиальных изменениях. Естественно, когда меняется политика, они недовольны. И как тут быть, если мы сегодня не такие воинственные стали? Правда, находятся люди, которые говорят: "За державу обидно". Я ненавижу эту фразу, потому что мне за человека нашего обидно бывает, который не понимает, что хорошо, а что плохо. Сейчас, по-моему, удара нам ни от кого ждать не приходится. Только если от какого-нибудь думских горлопанов, которые вопят: где же наша мощь? Не об этом, ей-Богу, думать надо. Да они и сюда уже: кофе у них в буфете кончился...

Или вот, почему ничего не обсуждали этим здоровым ребятам, которым сегодня колотят своими ласками об асфальт, обращаясь к правительству? Я имею в виду шахтеров. Они что, хотят, чтобы все спеть национализировали? Снова желают оказаться на иждивении у государства? Но ведь они же сегодня сами владеют своим хозяйством, по акционерам. И вот тут: такие здоровые ребята, дай Бог нам таким быть. И все равно ходят, просят, а их как-то отлаживают, поглаживают вроде. Но такой уж русский человек... А ведь надо разъяснять, каждый день, чтобы люди хоть понимали, что происходит.

Я не уверен, что этот кризис не организован какими-то силами. То-не так же, как, к убеждению, бы ли организован всем в Чечне. Еще Черчилль, кажется, сказал о том, что политическая жизнь – это борьба тщеславий, откуда вдруг высказывают то один, то другой. Вот сейчас у нас это самое и происходит.

А честно говоря, мне было очень обидно, когда Президент снял молодое правительство. Мне эти ребята нравились какой-то своей чистотой. Они впервые стали по-настоящему народу рассказывать о том, как обстоит дело: и что живем в долг, и сколько у нас "дыр". Опять же мало кто видел, как выдается тот, второй премьер. Да не так уж и молод, за тридцать ему, самое время, если уж на то пошло, все эти реформы осуществить. И потом, даже то нетипично все это произошло, вдруг взять и отправить правительство в отставку. А так ведь интеллигентные люди были. Мне, во всяком случае, казалось, что они и не пытались на какие-то блага. И с ними было интересно: с одной стороны, работа простая, но и умные в то же время. Что-то понимали и могли бы другим объяснить. Но что произошло, то произошло. Как теперь будет, не знаю...

Я об этом все говорю и говорю, а вас, наверное, интересует, что с театром будет?

– Безусловно, интересует. Только ведь наш народ сегодня опять настроен "политизированно", что даже, кажется, сцены бросил смотреть. Сумеет ли театр все-таки удержать зрительские внимание?

– Не знаю, вот 20-е годы были пострашнее наших. Голод. И одновременно появлялись такие блестательные успехи в искусстве. В России – странное государство. И все, связанное с искусством, здесь непредсказуемо.

– Не почувствуют ли наши театры вновь вкуса к социальности, злободневности, публицистики и прочим подобным вещам? Вы лично?

– Да какая публицистика? Вспомнимо, как Гельшину все этот журнал нравился. А я считаю, у него неожиданный талант выбора какой-то стороны в первой жизни. И облекает он это в сюжет почти детективный. Это, между прочим, особая стилистика. Для меня всю только одно: театр сегодня должен очень отличаться и от кино, и от телевидения. Сейчас у нас в России мода пошла на театральное, особенно в широких массах. Как там классик говорил: что подано Лондону, то рано для Москвы. Так это и есть. В Англии, например, в конкуренции с кино и телевидением театр сохраняет верх. Конечно, средний верх, потому что там не фестивали жрут деньги, а сериалы. Англичане любят театр, это надо так воспитать. У нас – кино любят. Это я точно знаю – вели тебя уже сто суждения каждого, что такое зрелищность или признание, то только за кино. А то, что при этом есть еще и театр, даже никого и на ум не приходит. У нас очень маленькая прослойка любителей театра. Но за это нельзя упрекать людей. Так же после и дальнейшая жизнь. Но именно театр должен сегодня сохранить свою энергетическую, эмоциональную поле.

– Спектакли МХТ пришлось на нелегкие времена. Финансовый кризис, естественно, коснулся и вашего театра. Не отразится ли на нем подготовка юбилейных торжеств?

– Ну вот наш директор бывает в кажном то нежаньем почти невозможно. Что-то где-то пропланировано, но данных не поступает, а цены растут. Поэтому, конечно, тревожно. Но и надеюсь, что и помощь, и реконструкция Камергерского переулка все же завершится в срок. И для меня то в конце концов одним из главных событий станет от Сочи в Камергерский переулок Антону Павловичу Чехову. Вернуться в Москву. И еще раз поклонюсь Президенту не юбилей МХАТа имени Горького, а юбилей МХАТа имени Горького. Хотя, наверное, это тоже надо как то отметить. Но если вспрыгнуть – это юбилейное. Художественный театр, созданного К.С. Станиславским и Вл.И. Немировичем-Данченко в 1898 году. Людей, которые в этом участвовали, были связаны с Художественным театром или многочисленные ответственными от этого генерального дерева за проведение это дел.

– Олег Николаевич, об историческом аспекте предстоящего юбилея, кажется, уже все и всем сказано. И здесь МХАТ имени Чехова оказался действительно на высоте: издательская деятельность, вечера памяти великих артистов, реконструкция Камергерского, семинары и конференции и т.д. Но в прессе не раз высказывалось опасение, что главным пошлым чеховский МХАТ отчасти прикрывает свои нынешние состояния.

– Нет, нечего мне не прикрывали. Мы выпустили чеховских "Трех сестер" к 100-летию театра. Смотрите этот спектакль.

– Безусловно, это постановка достойная юбилейной даты. Но премьера состоялась в феврале 1997 года. В минувшем же, предюбилейном сезоне не произошло никаких событий. А критические стрелы, летящие в адрес вашего театра, не поддаются счету: отсутствие премьер, а потом, в период Чеховского фестиваля, и спектаклей текущего репертуара, потеря зрительной формы. Иногда высказывались и вовсе нелепицы. Вам как руководителю театра не хотелось бы это прокомментировать или что-то опровергнуть?

– Не буду я ничего комментировать, а тем более опровергать. Мы играли в прошлом сезоне? Не было премьер? Это так. Получаю ваши статьи на сцене не выходит? Но почему бы им не посмотреть спектакли Чеховского фестиваля? К тому же я считаю, что фестиваль, большая часть ответственной которого играла именно на нашей сцене, – это не просто жест вы какая-то, а наша обязанность пригласить людей, показать, чем живет театральный мир. Там было что вся это было посвящено столетию Художественного театра. Действительно же, надо понять и решить, как жить дальше. А это значит – какие должны быть спектакли и как их надо играть. Но ведь и труппа наша вся разно разбота, делала спектакли. Выпускать их было нелегко, потому что сцена была занята фестивальными постановками.

– Но об этом, к сожалению, никто не знал.

– И не надо. Вообще надо поменьше знать о театре. Он должен быть окружен некой тайной, что ли. Пусть интересуются, пускай рыгаются. Кто в силу испорченности чуть ли не матом, кто, может быть, как-то поинтелигентнее. По поводу разделения МХАТа сколько всего было сказано, написано – и тогда, и теперь. Ну а что, собственно, страшного произошло? Был же когда-то МХАТ 2-й. Другое дело, что его закрыли так жестоко. Но это уже история.

– Действительно ли предполагается провести два автономных юбилейных вечера: 26 октября – у вас и 27 – во МХАТе имени Горького?

– Действительно. Но мы пригласили и Татьяну Доронину, и группу ее артистов. Есть такая договоренность. А я пойду к ним, меня тоже позвали.

– Вам не кажется, что подобное "раздвоение" юбилея – ситуация отчасти нелепая?

– Нет, не кажется. Сегодня существуют два самостоятельных театра, это данность. Ну в что такого то? Почему это всех интересует?

– Потому что люди так до сих пор и не разобрались, "кого прадзнуем".

– Да люди-то наши вообще ничего этого не знают. Не стоит делать из этого проблемы.

– Что предполагается устроить во МХАТе имени Чехова 26 октября?

– Мы хотим отметить эту дату традиционным мхатовским капустником, потому что эта форма и родилась здесь, в этих стенах. В зале – гости, а на сцене за столиками – участники, которым предстоит что-то изобразить.

– Ждете и иностранных гостей?

– Об этом боюсь говорить, потому что все упирается в деньги. Но наших будет много. У нас куда ни посмотри, найдешь связь с Художественным театром.

– МХАТ имени Чехова начинает 101-й сезон. Хотелось бы побольше узнать о новых планах.

– Пока будем играть спектакли текущего репертуара. Потом, в октябре, на время остановимся, чтобы подготовиться к юбилейному вечеру.

– И все же, дождемся ли мы премьеры?

– Следите за афишей.

– Я слежу, но в ней значится, например: 24 и 25 сентября "спектакль будет объявлен дополнительно".

– Значит, объявят.

– Вы, как руководитель театра, о его планах говорить не хотите?

– Я – нет.

– Кто же способен открыть эту тайну?

– Да по-разному, никто. И вообще, если в театре что-то интересное появляется, почему-то люди туда идут без всяких рекламы. Я же вот, например, знаю, что сейчас надо обязательно посмотреть двух "Гамлетов" – Стуруа и Штайна. "Три от ума" Олега Меньшикова.

– Ну хорошо, оставим в сторону репертуарные планы. Но вот пройдет юбилейная дата, к которой сейчас все устремлено. Художественный театр останется. Наверное, это на только наследие некогда легендарного театра и двух выдающихся основателей коллективов, но еще и наши театральная модель, идея. Актуальна ли она для театра нового века? И если да, то какие проблемы следует решать, чтобы современный театр был ей адекватен? В частности, МХАТ имени Чехова?

– Я так скажу. За последние время я видел очень много спектаклей и буду смотреть еще. Мне думается, что наш театр очень сильно отстал, во всем. И даже если его по-прежнему называют новаторским, реалистическим, то и в этом он отстает. Во всяком случае, наука о человеке сегодня знает больше, чем наши актеры и режиссеры. Да и не только наши, потому что МХАТом так или иначе заражены многие. Поэтому, очевидно, уже в 101-м сезоне надо к чему-то новому готовиться, думать, соображать: как быть с этим театром дальше? Здесь вы абсолютно правы. Должен быть какой-то реформа у нас, несомненно. Но ли этим заняться или кто-то другой, но с большой осторожностью надо к этому подходить и прежде всего как-то освободиться для дела. А если кто-то мешает, наверное, надо с ними расставаться, хотя это всегда сложно. Театр опять разрос, большущий. В общем, вопросов и проблем много, будем их решать. Что получится, покажет практика.

Камергерский накануне юбилея

беседу вела
Ирина АЛПАТОВА